

возникновению «царства мертвой тождественности». Кроме того, массовая культура, транслируемая через СМИ и другие институты, способствует разрушению самобытной культурной компоненты индивида, группы, общества, даже если они не меняют реальную среду обитания.

Учитывая данные тенденции, С. Бенхабиб предлагает в иерархии ценностей современных государств, которые неминуемо становятся участниками обозначенных процессов, на первое место поставить права человека, дав ему возможность самостоятельно выбирать, поддерживать ли те или иные традиции или разрушать их.

В современной поликультурной ситуации изменяющаяся субъективная идентификация индивидов находится в непосредственной зависимости от факторной обусловленности, когда изначальные факторы не являются жесткими и предопределенными, а идентичность личностного уровня – инвариантна. Это позволяет рассматривать возможность «положительного существования» личности в разных измерениях, среди многообразия вариантов. Большое значение среди прочих проблем занимает решение вопросов выбора жизненных стратегий, ценностных установок, формирования нового мировоззрения, становления новой идентичности, где возможность определяется как «модальная характеристика бытия, выражающая тенденцию становления».

В качестве социальных критериев «положительного существования индивида» могут выступать экономические, социально-правовые, образовательные, культурные и другие параметры, в рамках которых можно рассмотреть дихотомию «включенность» – «исключенность», а также «было» – «есть».

ПРАЗДНИК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. В. Поправко, г. Мелитополь, Украина

В современном социокультурном пространстве возникает новое соотношение между праздником и буднями, что, прежде всего, характеризуется стиранием границ между ними, взаимопроникновением праздничного в обыденное и наоборот.

Праздники существуют у всех народов на всех этапах исторического развития. Более того, праздник – это специфическая характеристика человеческого способа бытия в мире, а его «неискорененность» в культуре обусловлена экзистенциально. Можно вполне согласиться с С. А. Гуриным, что праздник является одним из фундаментальных состояний человеческого бытия вместе с такими, как любовь, подвиг, сон, болезнь, смерть. Прежде всего – это экзистенциальная неудовлетворенность человека не только настоящим положением дел, но и всем своим бытием, жизнью вообще, несовершенством мира. Это острое

чувство онтологической неполноты, фундаментальной недостаточности, что особо остро ощущает современный человек, который находится в условиях постоянного стресса и быстрого ритма жизни и нуждается в эмоциональной разрядке, взрыве эмоций, можно реализовать на празднике.

Возникновение праздника обусловлено рядом специфически человеческих потребностей. Прежде всего, это экзистенциально-психологические потребности, которые не могут быть удовлетворены в повседневной жизни – это и отдых от будничной работы, и восстановление физических и психологических сил (рекреативное значения), и снятия эмоционально-психологического и экзистенциально-психологического напряжения (разгрузочное значение), и восполнения дефицита эмоционально-эстетических переживаний и впечатлений (развлекательное значение).

Праздник компенсирует не только ограничения и запреты установленные буднями на удовлетворение и удовольствие. Будучи особой моделью мира, он находится в другом пространстве и другом времени. Пребывание внутри такой модели, как и сам факт ее существования, позволяет снять и решить (хотя бы иллюзорно) противоречия реальной действительности. Праздник – это идеальный мир, ставший на время реальностью. Находясь на стыке искусства и жизни, демонстрируя взаимодействие между двумя уровнями бытия – реально-эмпирическим и идеально-утопическим, он, в противовес однообразной повседневной жизни, был необходим психологически. В этом качестве праздник выступает как дополнение к реальному, обыденному миру, с помощью которого достигается и поддерживается социально-психологический баланс.

В современной, так называемой культуре постмодерна, которая пришла на смену традиционной культуре, статус и значение праздника изменилось.

Культура Постмодерна отмечается кардинальными трансформациями во всех сферах человеческой жизни и, в частности, в его онтологических основаниях, когда культурное бытие становится децентричным. Если применить это объяснение к функционированию праздника в современной культуре, то можно сделать вывод, что он поддерживает свой культурный статус и значение уже не столько с помощью своих внутренних традиционных знаково-символических ресурсов, сколько с помощью внешних для него символических средств. Таким образом, праздник становится своеобразной «символизацией символизации», или по терминологии Ж. Бодрийера «симулякром».

В празднике как симулякре традиционное содержание не только опустошено, но и коммерциализировано. Он все чаще становится элементом индустрии наследия или индустрии развлечений и все больше

превращается в зрелище, где участники делятся на профессиональных организаторов и публику, зрителей.

Главным производителем реальности в культуре Постмодерна, по мнению Ж. Бодрийера, становится телевидение. Телевизионные образы завладели реальностью, они создают мир, в котором живет человек постиндустриальной эпохи. Праздник также становится элементом такой экранной культуры. Современный человек все чаще погружается в атмосферу праздника не благодаря непосредственному участию в нем, а через экран, просматривая телевизионные версии праздничных действий.

Еще одна угроза культурному бытию человека связана с коньюмеризацией культуры Постмодерна, доминированием в ее рамках процесса потребления над производством. Потребление начинает осуществлять моделирующее влияние на праздничную культуру. Если традиционный праздник «встраивается» в производственный жизненный цикл, то центром современного праздника является процесс потребления [3]. Потребление становится для праздника новым знаково-символическим средством «разрыва» повседневности и символического выхода за ее пределы.

У современного человека почти не осталось настоящего досуга, наполненного размышлениями, общением, самосовершенствованием. В традиционных культурах важное значение придавали духовной «праздничности», в которой человек имел возможность самосовершенствоваться духовно. Досуг же современного общества подчиняется развлекательным шоу-программам. С помощью широко развитой и разнообразной индустрии развлечений человек бежит от жизни с ее реальными проблемами, от себя самого, от других и погружается в праздничную атмосферу.

Итак, с момента своего возникновения праздник был событием священным и наполненным сакральными смыслами. В культуре Постмодерна, которая живет после «конца традиции», все большего значения приобретает тенденция десакрализации праздника, превращение его из события священного в событие обыденное, все больше он растворяется в повседневной жизни общества. Потребительский характер масс, реклама, коммерческие подходы к организации досуга стимулируют развитие современной культуры, и именно они моделируют «иллюзорный праздник» общества потребления. Праздник теряет свою внутреннюю и внешнюю хронотопологическую определенность и растворяется в повседневной жизни человека, превращаясь в праздничность, как бы отделяется от праздника и начинает жить самостоятельно.

В культуре Постмодерна именно праздничность становится главным символическим средством преодоления рутины повседневности. Праздничные интонации радости и смеха проникают в повседневную

жизнь, пронизывают ее в виде массовых зрелищ и развлекательных шоу, рекламного дискурса и бесконечного его воспроизведения в торгово-развлекательной отрасли.

Но постоянная стимуляция, интенсификация и эксплуатация праздничных эмоций обесценивает их бытийное значение. Перенасыщенность праздничными эмоциями приводит к тому, что человек теряет способность к переживанию праздничной жизни. А. Бергсон отмечает, «где есть смех, там нет сильных эмоций» [1].

Человек постепенно теряет способность к празднованию, он уже и в традиционных праздниках не способен распознать, эмоционально пережить их сакральные смыслы. Ведь праздник может состояться в любой момент, а это значит, что и праздничность уже не является разрывом времени, а вписывается в повседневную жизнь. Конститутивная для праздника оппозиционность будням для постмодерного общества превращается в оппозицию «праздник, как будни – будни, как праздник» [2]. Праздник перестает быть для человека экстраординарным событием, он массово тиражируется за счет организации различных праздничных мероприятий и всепроникающей атмосферы праздничности, тем самым обесцениваясь.

Однако, экзистенциально-психологическая потребность в празднике именно как символической (а не симулятивной) форме культуры остается. Более того, актуализация и реализация его конструктивного потенциала как символической формы культуры может быть действенным средством предотвращения как антропологической катастрофы, так и катастрофы культуры.

Литература:

1. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон. – М. : Искусство, 1992.
2. Ванченко, Т. П. Культуролого-антропологические основания праздника: семантико-семиотические аспекты: дисс. ... доктора философ. наук : 24.00.01 / Ванченко Татьяна Петровна. – Тамбов, 2009.
3. Гурин, С. П. Праздник и опьянение как антропологические феномены [Электронный ресурс] / С. П. Гурин // Топос. Литературно-философский журнал. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/6666>

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.В. Радевич, г. Минск, Беларусь

В информационно-коммуникативном поле современной культуры происходят различные изменения, которые влекут за собой появление новых антропо- социокультурных систем. Под влиянием глобализации в обществе формируется отличная, от ранее существовавших, культурная